

Е.В. Пчелов

Сентябрьский календарный стиль в Киевской Руси*.

(Впервые опубликовано в: Естественнонаучная книжность в культуре Руси. М.: Наука, 2005. С. 16–22.)

§ 1. Под Киевской Русью здесь подразумевается государственное образование с центром в Киеве, существовавшее как более-менее единое целое со второй половины IX по первую треть XII в., что не противоречит распространённой «атрибуции» данного условного наименования в историографии.

Наиболее существенным источником для изучения древнерусской хронологии, содержащим наибольшее число датировок, являются русские летописи, и прежде всего (для рассматриваемого периода) Повесть временных лет (далее – ПВЛ). В историографии древнерусского летописания [за редкими исключениями (Н.В. Степанов, А.Г. Кузьмин)] утвердилось априорное суждение, будто русские летописцы домонгольского периода использовали исключительно мартовское новолетие (в своём мартовском, затем ультрамартовском, а, возможно, и в иных вариантах). «Восточные славяне приняли вместе с христианством византийское летосчисление от сотворения мира, но удержали своё исконное весеннее начало года, начинали год мартом, а не сентябрём, как византийцы»; «древнейшие памятники киевского летописания, включая Повесть временных лет (всех трёх редакций) применяли мартовский стиль летосчисления» (Н.Г. Бережков)¹; «... в некоторых из тех погодных статей, которые описывают события одного года, это описание идёт последовательно от начала года (год в древней Руси начинался с 1 марта, а не с 1 января) и до его конца...» (М.Х. Алешковский)² и др. Таким образом, истоки мартовского новолетия исследователи усматривают в дохристианской славянской календарной системе. Между тем, сама эта языческая система может быть реконструирована лишь очень приблизительно и вряд ли имела высокое развитие, принимая во внимание отсутствие письменности и соответствующей книжной традиции у восточных славян по крайней мере до конца X в. Кроме того не вполне очевидно и абсолютное господство в языческом славянском календаре весеннего начала года³. В то же время остаётся не совсем ясным, почему древнерусские летописцы, приняв византийскую эру от сотворения мира, не приняли и сентябрьского новолетия, что выглядело бы в данном случае естественным (оставляю за скобками дискуссии о возможном использовании летописцами иных мировых эр, а также вопрос о сосуществовании в византийском календаре и сентябрьского и мартовского новолетий).

§ 2. В недавнее время С.В. Цыб предпринял детальное изучение хронологических показаний ПВЛ⁴, в результате которого пришёл к выводу о совмещении в процессе создания различных редакций памятника нескольких хронологических систем, в том числе и сентябрьских датировок. На основе анализа содержания статей ПВЛ исследователь усмотрел сентябрьские хронологические «слои» в пределах: 6623–6633 гг., отнеся сентябрьские датировки в этом периоде к редакции ПВЛ конца 1120-х гг.⁵; 6599–6613 гг. (отдельные годы в этом промежутке); 6562–6582 гг. – появление этого «слоя»

историк отнёс к Киево-Печерскому своду середины 1070-х гг.⁶, составитель которого пользовался сентябрьским стилем; а также и в более ранних статьях, связанных, в основном, с использованием византийских источников, имевших сентябрьские датировки (эти «артефакты» С.В. Цыб связывает с деятельностью Сильвестра, составителя редакции 1116 г.⁷). Несмотря на целый ряд сомнительных методологических установок, приводящих исследователя порой к недостаточно аргументированным выводам⁸ (так, из статей Новгородской первой летописи в пределах 6605–6624 гг., обозначенных историком на основании исключительно их внутреннего содержания как сентябрьские⁹, только лишь статья 6617 г., исходя из подобного анализа, с большей или меньшей степенью уверенности может считаться таковой), его основная мысль о наличии в тексте ПВЛ сентябрьских датировок не может вызвать сомнений. И действительно, в ПВЛ имеется целый ряд статей, бесспорно носящих сентябрьский «характер»:

2.1. Уже при установлении погодной сетки летописец, отмечая первую дату (6360 г., соотнесённый с началом царствования византийского императора Михаила III), отмечает индикт этого года, т.е. вводит византийскую хронологическую систему (ориентированную на сентябрьское новолетие) в структуру летописного повествования (и впоследствии в тексте ПВЛ неоднократно встречаются указания на индикты). Следовательно, вне всякого сомнения, сентябрьское новолетие не могло не учитываться при конструировании хронологии событий ПВЛ.

2.2. Статья ПВЛ 6420 г., содержащая русско-византийский договор, датированный по сентябрьскому стилю, также «построена» по этому принципу: договор 2 сентября 911 г. (15 индикт, соответствующий 6420 сентябрьскому году; мартовскому 6420 г. в этом случае соответствовал бы 16 индикт), затем рассказ о смерти Олега, предваряемый словами «... и приспе осень».

2.3. Вероятно, сентябрьской является и статья 6453 г. (включающая также текст договора), повествующая о гибели Игоря (с аналогичным вступлением «И приспе осень») во время осеннего полюдья (944 г.). Тексты русско-византийских договоров были, по-видимому, внесены в ПВЛ только Нестором¹⁰, который, можно думать, и осуществил хронологическую «привязку» этих статей к сентябрьскому стилю¹¹.

2.4. Очевидна сентябрьская «граница», проведённая между статьями 6523 и 6524 г., которую Н.Г. Бережков относил к «отступлениям от правильного распределения сообщений между статьями». После рассказа об убийстве Глеба под 6523 г. (ПВЛ не содержит точных датировок гибели Бориса и Глеба, они – 24 июля и 5 сентября – известны из агиографической традиции, несторова «Чтения» о Борисе и Глебе) летопись отмечает ряд событий, завершившихся приходом к Любечу ратей Ярослава и Святополка, а затем под 6524 г. повествует о трёхмесячном стоянии на Днепре и последующей битве, происшедшей поздней осенью – ранней зимой («Бе бо уже в замороз»). Как бы ни датировать саму битву (осенью 1015 или осенью 1016 г.¹²), для нас сейчас существенна сама эта сентябрьская граница между годами, искусственно обозначенная, по мнению А.А. Шахматова, составителем Начального свода 1093–1095 гг.¹³

2.5. Сентябрьской является и статья 6562 г., рассказывающая о смерти Ярослава Мудрого, случившейся в конце февраля 1054 г. (о других известиях об этом событии см. далее).

2.6. Вероятно, сентябрьская «граница» присутствует и между статьями 6575 и 6576 гг.¹⁴ В самом деле, статья 6574 г., рассказывающая о смерти Ростислава Владимировича в Тмутаракани 3 февраля, надо полагать, мартовская; статья 6575 г., по всей видимости, сентябрьская (поскольку начинается с рассказа о взятии Ярославичами Минска зимой, затем следуют битва на Немиге 3 марта, захват Всеслава полоцкого 10 июля); статья 6576 г. – так же (победа половцев в битве у Альты, последующее восстание в Киеве и освобождение Всеслава 15 сентября); следующая статья, 6577 г., получается ультрамартовской, т.к. повествует о бегстве Всеслава из Киева 2 мая, после семимесячного княжения.

2.7. Наконец, статья 6610 г. также обнаруживает сентябрьскую последовательность событий¹⁵: бегство Ярослава Ярополчича из Киева 1 октября, приход Мстислава Владимировича в Киев 20 декабря, небесные знаменья в январе и в феврале, смерть Ярослава Ярополчича 11 августа, брак Сбыславы Святополковны 16 ноября. Принципиальное значение для определения стиля статьи имеет последовательность событий жизни Ярослава Ярополчича – 1 октября (бегство из Киева) и 11 августа (смерть)¹⁶. Брак же Сбыславы, в таком случае, относится летописью или к ноябрю сентябрьского 6610 г., т.е. к ноябрю 1101 г. (что не совпадает с данными польских источников, датирующих этот брак 1103 или даже 1104 г.¹⁷) – и тогда очевидно, что расположение событий *разного характера* в рамках одной летописной статьи необязательно строго последовательно хронологически; или, что более вероятно, к ноябрю следующего сентябрьского 6611 г., т.е. к ноябрю 1102 г. – и тогда получается, что некоторые события хронологически могли выходить за «рамки» тех статей, в которых о них сообщается.

Всё это показывает, что сентябрьские датировки в ПВЛ присутствуют со всей очевидностью и, если не были изначальными, то во всяком случае возникали при работе над летописью у сводчиков конца XI – начала XII в.: составителей двух гипотетических сводов – начала 1070-х (Никон?) и 1090-х гг., и собственно Повести временных лет 1110-х (Нестор?) гг.

§ 3. Такая ситуация выглядит абсолютно естественной, поскольку Русская православная церковь в то время подчинялась Константинопольскому патриархату, церковная служба установилась по византийскому образцу, а летописание, как и вообще книжная письменность, в основном являлись уделом лиц духовного звания. В этой связи важно отметить сентябрьский стиль и в следующих источниках:

3.1. В древнерусских месяцесловах, начиная с середины XI в. (Остромирово евангелие): все месяцесловы до первой половины XIV в. начинались с 1 сентября – первого дня гражданского и церковного года в Византии¹⁸;

3.2. В надписи 1050-х гг. в Киевской Софии, свидетельствующей о смерти Ярослава Мудрого, которая датирована именно этим стилем¹⁹;

3.3. Не исключено, что и в «Памяти и похвале князю Владимиру», приписываемой мниху Иакову и созданной, вероятно, во второй половине XI в.²⁰;

3.4. Наконец, по обоснованному предположению И.Н. Данилевского, сентябрьским стилем датировано и Остромирово евангелие (6564 – 6565 гг.)²¹.

Следовательно, вопрос о распространённости сентябрьского стиля в Киевской Руси нуждается в серьёзной корректировке и детальном исследовании. Существенно изучение причин сосуществования весеннего и

осеннего начал года (а возможно и иных) в древнерусской книжности, как и их конкретного соотношения в различных источниках.

© Русская антропологическая школа, 2010

* Сердечно благодарю Р.А. Симонова, Ю.Э. Шустову и Д.А. Добровольского за высказанные в ходе обсуждения этой работы замечания и пожелания.

¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 9, 36.

² *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 16.

³ См.: *Данилевский И.Н.* Лунно-солнечный календарь Древней Руси // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 129.

⁴ *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ К числу таковых, как мне кажется относятся: 1. Представление о том, будто события различного смыслового содержания (военные, церковные, природные явления и т.д.), а также и события внутри какого-либо подобного «направления», не связанные прямой причинно-следственной зависимостью, имеющие точные датировки должны обязательно располагаться в летописной статье в прямой хронологической последовательности; 2. Представление о том, что та или иная летописная статья может включать в себя только лишь события, строго происшедшие в «рамках» данного года; 3. Игнорирование иностранных датированных свидетельств о событиях древнерусской истории; 4. Игнорирование чисто текстологического анализа летописного текста, т.е. отрыв «текстуального» анализа датировок различных редакций от текстуального анализа самого содержания летописных статей.

⁹ *Цыб С.В.* Указ. соч. С. 13–14.

¹⁰ *Лихачёв Д.С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 339.

¹¹ Смерть Игоря была датирована 6453 г., по предположению А.А. Шахматова, уже составителем Начального свода (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 83–84).

¹² См. специальную работу по этому поводу: *Назаренко А.В.* О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 13–19.

¹³ *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 359–360.

¹⁴ Ср.: *Цыб С.В.* Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Неизбежное противоречие, возникающее при априорном признании мартовского стиля этой статьи (Ярослав Ярополчич умирает раньше, чем бежит из плена), приводило исследователей в смущение; оно даже послужило А.В. Назаренко одним из оснований для передатировки времени рождения Андрея Владимировича, соотнесённого летописцами с тем же годом (см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 602–604, см. также комментарии Д.С. Лихачёва к ПВЛ: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 537–538).

¹⁷ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 603.

¹⁸ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 26.

¹⁹ *Рыбаков Б.А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого // Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 59–64. Ср. критику предложенной датировки В.К. Зиборовым, впрочем не отрицающую сентябрьский стиль (*Зиборов В.К.* Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого (источниковедческий аспект) // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы истории города. Л., 1988. С. 80–94), и возражения на неё А.В. Назаренко, убедительно продемонстрировавшего несостоятельность исходной посылки оппонента (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 368).

²⁰ *Пономарёв А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год – год крещения Руси (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 163–166.

²¹ *Данилевский И.Н.* По какому стилю датировано Остромирово евангелие? // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999. С. 65–66. Впрочем, исследователь полагает, что памятник датирован по т.н. болгарской эре (*Он же.* О дате Остромирова Евангелия // *Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы.* М., 2001. С. 93–94).